

Р. Б. АХМЕТШИН

«Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (земская медицина и психиатрия в чеховской биографии)

Тема «Чехов и земство» неохватна в своих аспектах. Фабула жизни Чехова, истории его знакомых и товарищей, социальные вопросы, поставленные в письмах и публицистике современников, сюжеты и герои литературных произведений — эти и иные стороны нуждаются в самом серьезном изучении.

Отношение Чехова к земским вопросам не было простым, потому что складывалось в течение долгого времени. В сферу их притяжения он попал, став студентом университета, многие преподаватели и профессора которого, безусловно, сочувствовали и всячески помогали земцам, а многие выпускники состояли на службе в земстве.

В центре внимания данной работы — «Отчет по осмотру русских психиатрических заведений» доктора П. А. Архангельского*. Изданный в 1887 году, он формально не вписывается в рамки темы «Чехов и серпуховское земство» ни, так сказать, географически, ни хронологически. Книга имеет отношение к воскресенскому (и бабкинскому) «периоду» чеховской биографии, и, следовательно, события, о которых пойдет речь, происходили раньше, чем начали складываться мелиховские и серпуховские сюжеты в жизни писателя. Таким образом, это студенческие и послеуниверситетские годы жизни Чехова.

* <Архангельский П. А.> Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским с приложением планов 13 психиатрических заведений. М., 1887. Павел Арсен<т>ьевич Архангельский (1852–1913), земский доктор, в 1876–1896 заведовавший Воскресенской земской больницей. Жена его, Мария Морицевна (урожд. Эртель), работала в той же лечебнице. Архангельские были дружны с Чеховым, который не только прибегал к руководству Павла Арсеньевича, но и не раз подменял его на службе в больнице во время отъездов последнего.

Тем не менее содержание «Отчета...» заслуживает анализа с выбранной точки зрения, и это, как представляется, имеет тесную связь с концепцией конференции.

Исследовательский метод многогранен, каждый аспект уводит в поле особых проблем... Так, в сфере медицинской тематики это может быть земская медицина, административная психиатрия*, социальная гигиена и т. п.; в области социологии возникают темы, способные увязываться с вопросами и медицинскими, и историческими, и хозяйственно-экономическими; в юридическом же аспекте вопросы права — гражданского, трудового, административного и т. д. — образуют новые соединения с флангами названных выше проблем. Маргинальные в одном контексте, данные проблемы создают базовое направление исследований в ином случае, определяя тенденцию, способную занять коллективное сознание в рамках профессионального сообщества на несколько десятилетий, если не больше. Так, например, между «Отчетом...» Архангельского и «Очерками...» Т. И. Юдина** пролегает целая история существования отрасли психиатрии, сфера особой заботы об учреждении лечебниц для душевнобольных. Но и здесь, в вопросе об административной психиатрии, следует разделять историко-социальное содержание, помимо медицинской части, которую необходимо оставить психиатрам и историкам науки. Таким образом, книга Архангельского важна и с точки зрения истории земства и земской медицины, и с точки зрения чеховедения. Это любопытная история о том, как земство пыталось на первых порах составить картину происходящего.

* * *

Задачи командировки П. А. Архангельского словно вытекают из истории организации дела по призрению душевнобольных. Конец 1870-х — первая половина 1880-х годов (состоявшиеся за это время «три съезда врачей и три земских собрания») показали, что медицинское сообщество не имеет точного представления о масштабах помощи, в которой нуждаются душевнобольные Московской губернии. Когда стало ясно, что «Преображенская больница (в Москве. — Р. А.) не может

* Понятие, ненадолго закрепившееся в медицинской практике благодаря книге П. И. Якобия «Основы административной психиатрии» (Орел, 1900), теоретически концентрирующей смысл работы Архангельского и соответствующих интересов земства.

** Юдин Т. И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951.

удовлетворить потребности губернии», земство предприняло попытку собрать сведения о количестве душевнобольных, и первичная статистика стала предметом обсуждения на III съезде московских земских врачей в 1878 году. Однако и VIII съезд врачей, и губернское земское собрание, прошедшие в 1884 году, не могли еще выработать программу действий. Именно поэтому «губернский земский санитарный совет в заседании своем 5 мая 1886 года постановил: 1) собрать <...> сведения о всех душевнобольных в губернии <...>; 2) командировать одного из врачей для ознакомления с организацией призрения душевнобольных <...> в различных земствах»*.

Разъезды Архангельского начались 19 мая и закончились 23 ноября 1886 года. Посетил он известные лечебницы — общим числом 14 (из них 11 были земскими). Весь декабрь он работал над книгой, но не закончил ее и дописывал до середины лета 1887-го. Под «Предисловием» значится 12 июня (ст. ст.) 1887 г., и, видимо, в середине июня было приступлено к печатанию.

В ПССП А. П. Чехова неоднократно используется эпизод из воспоминаний П. А. Архангельского**»: «...однажды, должно быть в июле или августе 1887 года, А<нтон>П<авлович> пришел ко мне в квартиру с утомленным видом и сказал: “опять проклятая селезенка меня беспокоит!” Только что я хотел поговорить о его “селезенке”, как он увидел у меня на столе корректурные листы и начал их просматривать. А вы, сказал А. П., обращаясь ко мне, неправильно пишете слово “богадѣльня” через “ѣ”: вероятно вы производите от слова “Божие — дело”, а оно происходит от — “Бога — дея”, т.е. для Бога, а следовательно нужно писать через “е”. Я оканчивал уже книгу “Отчет по осмотру русских психиатрических заведений”, корректурные листы, которые просматривал А. П., составляли уже последний 21-й печатный лист, и ошибку свою я так и оставил неисправленной. Между тем А. П. заинтересовался “отчетом”, пересмотрел его, тщательно прочел его заключительную часть и обратился ко мне с вопросом: “а ведь хорошо бы описать также тюрьмы, как вы думаете?” В ответ на это я объяснил ему те основания, которыми руководился

* Архангельский П. А. Отчет по осмотру... С. VI.

** Архангельский П. А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове (Сообщ. в Общ. Собрании Благотворит. Общества при Воскресенской земской лечебнице, сент. 19, 1910 г.) // Отчет благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. М., 1911. С. 28–32. В передаче эпизода с полемикой о правописании мемуарист, видимо, допустил ошибку, так как верно передал ход рассуждений Чехова, но исказил его вывод (если, разумеется, такую ошибку не совершил наборщик/корректор или сам Чехов).

при осмотре психиатрических заведений: я должен был дать побольше фактического и цифрового материала, чтобы Московское Земство могло, опираясь на него, более или менее правильно организовать призрение душевных больных своей губернии. Мы заговорились по затронутому А. П. вопросу <...>»*.

Впоследствии Чехов и Архангельский «несколько раз» возвращались к этой теме в своих беседах. Известно, к тому же, что «Отчет...» был послан в Петербург, в редакцию газеты «Нового времени», и там находился некоторое время у сотрудника ее (и некоторых других газет и журналов), Лазаря Константиновича Попова (*Эльпе*), а затем — возвращен старшим братом Александром Чехову в сентябре 1888-го**. Возможно, Попов готовил издание (обзорного характера), в которое намеревался включить материалы из «Отчета...», так же как и Чехов планировал сделать то же самое для суворинского календаря. Просмотр «суворинских календарей» (т.е. справочных изданий, адрес-календарей, готовившихся в издательстве А. С. Суворина: «Русский календарь», «Весь Петербург»...) в гипотетическом временном диапазоне положительных результатов не дал: сведения об инспектированных Архангельским лечебницах для душевнобольных пока не обнаружены, а информация о лечебницах и докторов Санкт-Петербурга и Москвы носит слишком общий характер, чтобы допустить ясные реконструкции, возводящие к «Отчету...». Неясно и многое другое. Была ли книга возвращена ее автору, какое время хранилась у Чехова, «Летопись жизни и творчества Чехова» (2-й ее том)*** ответа не дает.

* * *

В этой книге любопытна каждая деталь. Так, в отчете о своей командировке, включенном в «Предисловие», Архангельский сообщает, как «располагалось» «время <его> занятий»:

* Там же. С. 31.

** 11 сентября 1888 г. Чехов просит брата Александра выслать «отчет о сумасшедших домах д-ра Архангельского, возвращенный <...> Поповым. Этот отчет нужен (Чехову. — Р. А.) для суворинского календаря. <...> Вышли заказной бандеролью <...>» (П 2, 329, 509–510). Он уже дал А. С. Суворину предварительное согласие на обработку «корректур московской эскулапии» для календаря и выражал уверенность, что «Дома умалишенных в России» — вопрос молодой, для врачей и земцев интересный», а в будущем надеялся взять на себя всю «медицинскую часть» суворинского календаря (П 2, 326, 507–508).

*** Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 2: 1889 — апрель 1891. М., 2004.

«С 19 мая по 4 июня я прожил в Бурашевской (Тверской) колонии; жил в самом заведении у одного из ординаторов.

С 5 июня по 11 пробыл в Воскресенске и приводил в порядок материал по Бурашевской колонии.

12 и 13 июня провел в дороге в Новгород.

С 14 по 22 — в Новгороде; жил в психиатрическом заведении — в приемной комнате.

23 — в дороге в С.-Петербург.

С 24 по 29 занимался осмотром «Дома призрения душевнобольных», учрежденного Государем Императором Александром Александровичем; каждодневно ездил из города на ст. Удельную по Финляндской железной дороге.

30 провел в дороге из С.-Петербурга в Воскресенск.

С 1 по 6 июля пробыл в Воскресенске и приводил в порядок материал по Новгородскому и Петербургскому заведениям.

7 и 8 пробыл в дороге в Казань.

С 8 по 18 пробыл в Казанской окружной лечебнице и жил в заведении вместе с больным спокойного отделения.

18 и 19 — в дороге в Саратов.

С 20 по 27 прожил в Саратове и каждодневно посещал лечебницу.

С 27 июля по 2 августа занимался осмотром Тамбовского психиатрического заведения; жил в пансионерской комнате лечебницы.

Со 2-го по 7 пробыл в Рязани и каждодневно посещал психиатрические заведения.

С 8 по 15 пробыл в Воскресенске и приводил в порядок материал по осмотренным заведениям.

16 августа — в дороге в Тулу.

С 17 по 26 занимался осмотром Тульского психиатрического отделения; каждодневно посещал его.

26 — в дороге в Харьков.

С 27 августа по 2 сентября был в Харькове и каждодневно ездил из города на Сабуровскую дачу, где находится больница.

Со 2 по 9 — каждодневно посещал больницу.

10 — в дороге в Херсон.

11–17 занимался осмотром Херсонской лечебницы; каждодневно приходил туда.

18–19 пробыл в дороге в Симферополь.

20–26 осматривал Симферопольское психиатрическое отделение.

27–30 провел в дороге в Воскресенск.

С 1 по 5 ноября готовил отчет санитарному совету по осмотру психиатрических заведений.

С 9 по 23 осматривал Преображенскую больницу в Москве; конец ноября и весь декабрь посвящен был приготовлению подробного отчета и атласа психиатрических заведений для печати; последнее, впрочем, продолжалось в течение нескольких месяцев и 1887 года.

Весь расход по моей командировке составляет 1775 рублей 69 коп.,	
из коих на жалованье, по 125 р. в месяц, израсходовано	927 р. 34 к.
„ разъезды.	304 „ 85 „
„ суточные (по 3 р. в день, проведенный вне дома)	447 „ — „
„ черчение планов набело	96 „ 50 „,*.

Хотя Архангельский в своих мемуарах предполагаемую последовательность не восстанавливает, допустимо, что история командировки была устной и, скорее всего, предшествовала моменту знакомства Чехова с корректурой книги. Можно считать, что не только поездка, но и содержание отчета не раз становилось предметом рассказов Архангельского и последующего обсуждения. Кроме сухого изложения графика и маршрута, доступного сегодня читателю, Чехов мог услышать подробные истории о том, что не вошло в книгу: о случаях в дороге, в лечебницах, о разговорах с докторами на местах и т. п. В связи с логикой «отчетного» жанра значимость неформального (неформализованного) содержания существенно возрастает (об этом речь пойдет ниже). И, думается, в первую очередь приведенный выше график будил мысль о том, что всего полгода могут дать такой обильный в публицистическом и беллетристическом отношении материал. Длинное путешествие, когда Архангельский почти не заезжал домой или заезжал на два-три дня или неделю, можно в некотором смысле рассматривать как пролог чеховской сахалинской истории. Начать весной и к зиме вернуться, а затем за полгода написать увесистую, весьма дельную книжку — такое задание могло заинтересовать и увлечь Чехова, уже пережившего разного рода неудачи с личными замыслами. Возможно, на Чехова имел воздействие и тот факт, что Архангельский не был психиатром по роду основной своей деятельности и тем не менее ему удалось осуществить в одиночку такое солидное предприятие.

Это впечатление не только вызывало определенные эмоции, подогревавшиеся ожиданием выхода «Отчета...» в свет, но и ложилось на благодатную почву, особенно если вспомнить чеховскую агитацию в пользу писательских поездок в дальние края**. Типологически таким же образом, как в графике Архангельского, складывался чеховский маршрут на Сахалине. По тюремным округам, от тюрьмы к тюрьме,

* Архангельский П. А. Отчет по осмотру... С. VI–VII.

** 10 февраля 1888 года Чехов говорил об этом Телешову, Гиляровскому в присутствии своего младшего брата Михаила (см. об этом: Телешов Н. Д. А. П. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947. С. 166–167; Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Изд. 4-е. М., 1964. С. 117–118). Вряд ли это был первый и единственный случай в его жизни.

от одного поселения к другому — с целью воспроизвести административно-хозяйственную, а заодно и санитарно-гигиеническую модель каторжной социальности.

К этому имеет прямое отношение анкета («программа»), разработанная Архангельским для описания каждой лечебницы. Она состоит из 26 пунктов, многие из которых носят двухуровневый характер, и охватывает практически всё:

- «историю вопроса о призрении душевнобольных в N земстве»;
- «устройство заведения»: колония это, закрытое заведение или приют для душевнобольных; какова стоимость постройки (и, в частности, печей, полов, окон и т. п.); «степень участия в постройке правительства» и т. д.;
- «общее расположение зданий...» на территории лечебницы;
- «описание отдельных зданий» (включая «материал постройки» и детали устройства ванных, освещения, решеток, дверей, замков, отопления и вентиляции и т. п., расположение спален и дневных помещений); обустройство помещений для разных категорий больных;
- устройство двора, сада, барачных, мастерских, кабинетов, квартир;
- режим дня больных и персонала, своеобразная социология обслуживающего персонала, его функции, а также занятия (и работы) больных и т. п.;
- аспекты хозяйственно-экономической целесообразности дела.

Многие пункты чеховской «картины», реконструируемые по книге «Остров Сахалин», сопоставимы с этими запросами Архангельского.

* * *

Просмотр корректурных листов — событие малозначительное, не очень эффективное, скорее, эстетического свойства: корректурные листы порой выглядят привлекательнее книги, из них сшиваемой, их приятно разглядывать. Подробнейшие и потому тяжеловесные описания палат, корпусов и усадеб, в которых устраивались лечебницы для призрения душевнобольных, малоприспособлены для быстрого восприятия. Чехов не имел возможность запомнить все детали строительства зданий, организации лечения и, конечно же, впоследствии, когда Сахалин предстал его взорам, не мог рассчитывать на аналогичную открытость и доступность материалов медицинской и хозяйственно-административной истории по каждому округу острова.

Но именно просмотр позволяет уловить наиболее сильные места, эпизоды в тексте отчета. Здесь рецепция может быть результативной и без вдумчивого чтения, отпечаток в памяти возникает моментально

и дает затем пищу для размышления. В первую очередь, это касается статистики. Вот, например, таблица, отражающая «движение больных», в главе о Херсонской лечебнице (с. 204):

К 1-му января	Состояло			Поступило			Выбыло			Умерло		
	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего
1870 г.	-	-	69	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1871 г.	-	-	73	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1872 г.	-	-	85	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1873 г.	-	-	102	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1874 г.	-	-	101	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1875 г.	-	-	102	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1876 г.	-	-	116	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1877 г.	-	-	118	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1878 г.	-	-	134	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1879 г.	-	-	125	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1880 г.	-	-	111	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1881 г.	-	-	114	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1882 г.	-	-	124	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1883 г.	86	44	130	63	36	99	36	18	54	21	3	24
1884 г.	95	59	154	104	61	165	57	35	92	24	11	35
1885 г.	118	74	192	114	75	189	57	45	102	19	17	36

Ее не нужно «читать», чтобы увидеть, что элементарные сведения стали собирать лишь пять лет назад (с 1883 г.), и еще раз убедиться, в какой мере распространено безразличие к положению больных («...лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета...», рассказ «Студент» [8, 306]). Чехов, надо полагать, хорошо понимал плачевное состояние статистики, державшейся в условиях 1880-х на личном энтузиазме одиночек (см. рассказ «Верочка»): и годы студенчества еще не пережиты, и собственные занятия заставляют возвращаться к этой проблематике.

Так что просмотр обращает внимание на яркие детали содержания, заставляет усвоить структуру книги: в таблицах, составленных

Архангельским, можно «успеть» заметить соотношение буйных и спокойных больных (с. 324), примерить эти сведения на сословный состав пациентов, учесть при этом климатические, географические, региональные возможности классификации.

* * *

Что касается заключения, прочитанного Чеховым, по словам Архангельского, внимательно, эта ситуация восприятия требует иной характеристики.

В отчете вообще частотны размышления и описания, вроде: «...Роменская богадельня, по рассказам, служит пугалом для отправляемых туда душевнобольных, и некоторые из посланных туда на попечение самовольно возвращались в лечебницу...». Автор мог привлечь к ним внимание писателя своим указанием или рассказом. Например, о лечебнице в Херсонском земстве подобрано два эпизода из разных отчетов с разрывом в 4 года: в 1879 году земскому собранию был сделан доклад о том, в частности, что «...несмотря на все стремления улучшить положение наших душевнобольных, дело мало подвигается вперед. Недостаток воздуха, света, скученность и нерациональное распределение больных, однообразная и недостаточно питательная пища — вот в какой обстановке живут наши умалишенные... Наши умалишенные умирают большею частью от легочной чахотки и язвенного процесса кишок — прямых последствий недостаточного воздуха и неудовлетворительной пищи». В отчете за 1883 год картина мало изменилась: «...в недавнем прошлом каждый раз при посещении дома умалишенных нами овладевало невыразимо тяжелое чувство при виде этих несчастных, лишенных в достаточной мере света и воздуха, вечно озлобленных и готовых на всякое буйство, так что посещение этого дома всегда сопряжено было с риском...»*.

В заключительной части мысль о разнице между «доземским» и земским периодами в текущей истории отечественной психиатрии наиболее выделена. Думаю, этот отчасти искусственный сюжет требует анализа и заставляет поставить вопрос о функции истории в статистическом отчете и в справочной литературе в целом. Работа эта должна проводиться особо, с привлечением большого числа источников и на широком сопоставительном материале. Пока мы можем видеть, что история обнаружила свою стихийность и некоторую независимость от первоначального задания д-ра Архангельского, которым его снабдило Московское губернское земство. В рамки этой задачи подробное описание прошлого не входило.

* Архангельский П. А. Отчет по осмотру... С. 187, 190.

Но в «Отчете...» каждый раздел и заключение в особенности фокусирует внимание читателя на том, что было совсем недавно. Архангельский берет на себя необязательную в данном случае роль и на фоне, созданном с помощью ретроспекции, подводит нас к мысли о том, чего добилося земство в деле призрения душевнобольных за 20 с небольшим лет.

Процитируем несколько мест из заключительной части «Отчета...»:

«В Тверском земском собрании 1871 года один из гласных заявил, “что он согласился бы лучше видеть несчастных душевнобольных скорее в клетках, чем в том положении, в котором они находятся”. Съезд врачей в 1873 году назвал дом умалишенных “недисциплинированным зверинцем, в котором звери заперты и оставлены на произвол судьбы”.

Новгородская управа, <...> в 1865 г., говорила, что умалишенные помещаются в тесноте невообразимой, комнаты для больных представляются “клетками”.

Комиссия Рязанского земства называла помещения больных “арестантскими”.

Старший врач Тульской больницы жаловался в 1872 году на то, что «нет никакой возможности предупредить между больными драки и ссоры и для усмирения буйных и вздорных, кроме нарукавников, нет других средств... И выздоравливающие, и тихие, и вздорные — все скучены в одном здании.

<...> Старший врач <Полтавской> больницы называл содержание умалишенных “постыдным”, а земство считало этот эпитет даже “слишком сдержанным”. <...>

Таврическое земство называло помещения больных “казематами”, “тюрьмами” и положение их находило “оскорбляющим человеческое чувство” <...>»*.

И далее Архангельский пускается в рассуждения, которые могли бы сделать честь современным исследованиям по социологии и истории организации психиатрической помощи**. Тем не менее, заметим в скобках, «Отчет...» не входит в известные библиографические списки, связанные с именем Чехова. В библиографии В. В. Хижнякова, как и в книге Б. М. Шубина, об «Отчете...» не сказано, приведены только воспоминания П. А. Архангельского***. В книге о подмосковных местах, связанных с именем Чехова, упоминания об этом вопросе отсутствуют.

И затем Архангельский признает роль земских организаций, проявивших «сознательное стремление к улучшению домов умалишенных»,

* Архангельский П. А. Отчет по осмотру... С. 290.

** См., например: Дёрнер К. Гражданин и безумие. К социальной истории и научной социологии психиатрии М., 2006. Книга, разумеется, посвящена европейской истории.

*** Хижняков В. В. Антон Чехов как врач. М., 1947; Шубин Б. М. Доктор А. П. Чехов. М., 1977.

а также дает высокую оценку «участию правительства»*. Тем самым оказался погашен пафос и смысл социальной полемики, который вытекал из всего строя отчета и напрашивался как вывод из описания — надо это признать — по-прежнему ужасного положения страдающих душевными недугами и трагической двойственности положения докторов, оказавшихся заложниками данной ситуации даже и в преобразившихся клиниках. Что уж говорить о тех местах империи, куда реформы не простирались вплоть до начала XX века...

* * *

Следует помнить, однако, что Чехов изучал «Отчет...» Архангельского гораздо дольше — и в 1888-м планировал работу над ним, — так что мы должны будем внимательнее вчитаться в описания, которые в «сухих» отчетах могут сделать не меньше, чем цифирь. У Чехова, мы знаем, картины «благополучия» возникают часто в самых неожиданных местах во всей их конкретности. Отражаются они, например, в достоверности сословного состава пациентов 6-й «палаты», в размышлениях Якова Бронзы («Скрипка Ротшильда») об убытках (около «двухсот» нерабочих дней в календаре, 1040 рублей, обмелевшая река, вырубленные «березняк и сосновый бор» — «скверные» дела), в пафосе Чимши-Гималайского («протестует одна только немая статистика»: количество душевнобольных, алкоголизм, детская смертность — «Крыжовник»).. Не цитирую в силу очевидности хорошо знакомого материала чеховской прозы.

Одно дело — сгущение красок в официальной публицистике, способное привести читателя в ужас, если, конечно, цензура сообразована. И все же «протест статистики» неочевиден, и она зависима от многих факторов, преломляющих ее суть. Все рукотворное приобретает двойной смысл: отчет, долженствующий сообщить о бедах в деле призрения больных, вопреки воле автора создает относительно благополучное впечатление. Любопытно, уловил ли это Чехов? (Малые формы чувствительны к тонкостям композиции.) Стиль «Острова Сахалин» по структуре очень сложен и описывается в последнее время как «межстилевая контаминация»**. По сути, сумма стилевых установок. Таким способом выбор художника понять крайне трудно. Вернуть чеховскому стилю динамику исторической конкретности можно, в частности, восходя к контексту усвоенных им работ. Поэтому в дополнение к уже суще-

* *Архангельский П. А.* Отчет по осмотру... С. 293.

** *Маевский Н. Н.* Стилевой полифонизм произведения А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2009. № 4. С. 84.

ствующим попыткам описать стиль книги* хотелось бы отметить, что Чехов находился под влиянием прочитанного им о Сибири и Сахалине и мог уловить любопытную тенденцию в медицинской и каторжно-пенитенциарной публицистической прозе. Чем суше и деловитее был тон статьи, тем ощутимее сказывалась эта черта стиля.

Описать ее непросто, потому что между сухостью Архангельского и повествовательной интонацией Чехова трудно найти точки сближения. При всем том, что «Отчет...» накопил колоссальный негативный материал, в нем действует жизнеутверждающая стратегия. Приведем примеры, как действует контрапункт, сдвигающий интенции автора к позитивному, достигнутому, состоявшемуся:

«<...> Полтавское земство строило заведение, имея в виду удовлетворить нужду тех больных, которые находились в данный момент в психиатрическом отделении, но не остановило оно внимания на том обстоятельстве, что заведение неудержимо растет и что в то время, как оно окончит постройку, больных будет больше, чем может удовлетворить заведение. И действительно, не успели выстроить заведение *maxim.* на 200 человек, больных оказалось 266, и теперь для земства вопрос — куда девать больных — остается неразрешенным; <...>

* См. об этом: *Семанова М. Л.* Чехов и Глеб Успенский (к вопросу о творчестве Чехова восьмидесятых годов) // Ученые записки ЛГПИ имени А. И. Герцена. Т. 215. Кафедра русской литературы. Л., 1959. С. 3–63; *Семанова М. Л.* Чехов и Глеб Успенский (к вопросу о творчестве Чехова девяностых годов) // А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Ростов-на-Дону, 1959. С. 175–176. На сходство Чехова и Успенского указывает Г. А. Бялый: «Характерно, что *недоумение, удивление* становится одной из господствующих эмоций в рассказах и очерках Успенского <...> делается одним из принципов его публицистики» (*Бялый Г. А.* О некоторых особенностях реализма Глеба Успенского // Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. Л., 1973. С. 98). На первый взгляд, это как нельзя лучше ассоциируется с замечанием Чехова о поиске им тона в работе над книгой «Остров Сахалин»: «Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. <...> Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине <...>, то мне стало легко, и работа моя закипела» (П. 5, 217). Возникает и корреляция с комментариями М. Л. Семановой: «На первых этапах работы Чехова не удовлетворяла форма повествования <...>. Он искал такой формы изложения, которая дала бы возможность не только с максимальной полнотой и точностью воспроизвести сахалинскую жизнь, но и выразить, “без учительских” назиданий и предсказаний, отношение к ней автора, сохранив при этом “чувство первого впечатления”. <...> Уже в черновой рукописи заметно это стремление Чехова избежать поучающих и “пророческих” слов и интонаций <...>, а также открыто эмоционального авторского отношения <...>. Повествователь “Острова Сахалина” не пророк, не оратор, не открытый обличитель, но и не любопытствующий турист, а человек, честно, без предвзятого мнения исследующий Сахалин» (14/15, 785). См. также: *Ахметшин Р. Б.* Сахалинское путешествие А. П. Чехова: к реконструкции замысла // Russian Studies. Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National University, Korea. 2015. Vol. 25, № 2. P. 310–315.

Вот разве последнее постановление земского собрания о взыскании платы с общества за содержание психопатов в богадельне поможет более живому обмену призреваемых <...> Психиатрическая лечебница вместе с общей больницей находится в южной части города, вблизи ярмарочных лавок и театра. Въезд в усадьбу с двух улиц — Новополтавской и Сретенской <...>»*.

«В настоящее время заведение (в Херсонском земстве. — Р. А.) совершенно неузнаваемо, если судить о нем по описанию 3–4 года тому назад. Правда, еще есть много в нем крупных недостатков, как, напр., подвальный этаж приходится еще до сих пор занимать больными; для многих больных, непривычных к разного рода ремеслам, не устроено работ и занятий; но, вероятно, в скором времени земство устранил и этот недостаток»**.

Отчет не концентрирует результаты наблюдений до статуса «протеста», инвективы. Этому «претит» общая установка монархической толерантности — свойство (и цензурное «последствие») многих ученых работ того времени. Но, кроме того, отвечая требованиям последовательности, жанр отчета предназначен для воспроизведения поступательности социального движения, что само по себе позитивно. Ведь даже перевод дескриптивной точки зрения из плана прошлого в план настоящего обладает не просто огромным потенциалом эффективности, но и полноценно осуществляется в структуре публицистического высказывания, модулируя ложноположительную тональность.

Чехов понимал, что «такая же», как о земских лечебницах для душевнобольных, книга о тюрьмах нужна, но не мог не осознавать, что традиционный способ построения материала, свидетельствующего о несоблюдении нравственных и политических законов в государстве, убьет в замысле «Острова Сахалин» гражданский пафос автора, а значит, приведет к перерождению общую идею. Так что «полупублицизм», если трансформировать выражение С. Н. Булгакова***, стиля «Острова Сахалин» требует детального изучения.

* * *

«Отчет...» предлагает иной взгляд и на предысторию сахалинского путешествия Чехова, которую обычно «отсчитывают» от событий 1889 года.

О причинах сахалинского путешествия написано очень много. Осмелимся дополнить эту картину своим предположением. Одним

* *Архангельский П. А.* Отчет по осмотру... С. 173.

** Там же. С. 191.

*** *Булгаков С. Н.* Чехов как мыслитель // *А. П. Чехов: pro et contra.* Т. I. СПб., 2002. С. 560.

из первых побуждений Чехова к поездке, зафиксированных М. Л. Семановой, послужили, по мнению исследователя, беседы с К. А. Каратыгиной в июне 1889 года (14/15, 743). Но ведь чуть раньше, в середине апреля, Чехов высказался о желании уехать (почти «переменить участь» на каторжном арго) — хотя бы и «врачом на пароходе Добровольного флота» — в письме к А. С. Суворину: привычно шутливая манера связала женитьбу и путешествие в дальние страны (П 3, 194).

Формально это высказывание идентично юмористическим и ироническим самооценкам Чехова, относящимся к сахалинско-сибирской ситуации и книге. Но по сути оно свидетельствует о ясном представлении: знакомстве с ситуацией, осознании цели, хотя бы и географической, путешествия и еще о многом. Однако реплика в письме к Суворину вскрывает не импульс побуждения, скорее, это нечто вроде романтического томления, противопоставляющего возможное (женитьбу) осуществимому (службу врача в экзотических условиях*). О побуждении больше говорит эпизод с «Отчетом...» доктора Архангельского.

Вопрос Чехова о «таком же» описании тюрем, адресованный Архангельскому, кажется немного неожиданным, настолько выразительно моделирование писателем научно-исследовательской ситуации. Чехов сразу задумывается о жанре капитального исследования и о нехудожественном приложении своих сил — как доктора, гигиениста, просветителя. Вероятнее всего, мы имеем дело с воплощением мысли. Для биографии такие точки имеют особую ценность. Даже если это случайность, она отражает высокую степень частотности и градус настроений в пределах тюремно-каторжной проблемы.

Кроме того, эта тема находится как в поле литературоведения и биографической проблематики, так и в сфере краеведения и истории. Потому что когда я читаю «Отчет...» Архангельского, то понимаю, сколько вопросов мог бы задать, если бы у меня была полная картина. Дело в том, что при известной полноте, которой достиг в отчете П. А. Архангельский, его книга все же очень слепая. В определенном смысле строгих методов это закономерно, так как в задачи автора-составителя не входили вопросы, которые нас сегодня интересуют. (И вообще, мало ли какие вопросы могут заинтересовать читателя, располагающего разными сведениями.) С этой точки зрения кажется, что если данные вопросы лежат в ином поле, нежели социальная медицина и практическая психиатрия, или организация здравоохранения («административная психиатрия»), то их и не надо адресовать данной книге. Это справедливо, но дело в том, что для исследователей Чехова эти вопросы часто именно с книги Архангельского

* По статистике Доброфлота вероятность гибели или как минимум опасного приключения равнялась 30–40 %.

и его воспоминаний (и подобных им текстов) и начинаются. И почти сразу заканчиваются, потому что мы не располагаем информацией. Пробел этот пока не восполняется ни публикацией материалов, ни комментариями, ни исследованиями, и тема остается в тени.

Например, Архангельский почти избегает приводить имена: с кем он встречался, кто ему помогал, что это за персоны... и т.д., что мог видеть П. А. в этих лечебницах — весьма специфический вопрос, но благодаря воспоминаниям, дневникам, сохранившимся, вероятно, в архивах и иных коллекциях, возможно и на него получить какой-то ответ. Он необходим, потому что если у нас будет такая информация, мы увидим многое, о чем сейчас можем лишь подозревать.

Один земледельческий вопрос, как бы мы ни рассматривали его — экономически и/или в русле хозяйственной, деловой активности внутри каждой лечебницы, в аспекте рентабельности, в рамках социально-нравственной парадигмы, а также терапевтических нужд, — потребует значительных коллективных разысканий.

С другой стороны, книга полна очень важных сведений, прямо соотносящихся с чеховской эволюцией. И это гораздо больше эпизодов, нежели те, что приведены в ПССП в связи с «Врачебным делом в России», «Островом Сахалин», «Палатой № 6» и письмами Чехова и к Чехову. Это не упрек: в ПССП Чехова не могло быть столько места, чтобы учесть все детали.

Сейчас нам кажется, что мы знаем почти все. Благодаря полным собраниям текстов, комментариям к ним, частично опубликованным мемуарам, летописи жизни и творчества писателя, издаваемым материалам к биографии картина получается исчерпывающей. Однако нельзя не видеть, что все эти жанры не только предлагают выстроенные с некоторой долей вариативности факты и организуют представления. Они порождают сдвиг, ведущий к иному качеству биографического знания. Гармония исследования заключается в том, что полнота знания может быть только временной, что она непременно компенсируется осознанием новых лакун и постановкой новых вопросов.

